

■ A.S.Ahieser, S.Ya. Matveeva. Humanism as an Element of Culture (Russian)

11.05.99

[А. С. Ахиезер](#)
[С. Я. Матвеева](#)

ГУМАНИЗМ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРЫ

Статья впервые была опубликована в журнале "Общественные науки", N2, 1990 г.

В статье сделана попытка воспроизвести логику гуманизации культуры и человеческих отношений, которая оказывается логикой постоянной и, прежде всего, внутренней борьбы человека с самим собой, с тем, что Э.Фромм называл "бегством от свободы".

Эта логика имеет всеобщий характер. Иными словами, мы видим ее проявления: не только в прошлом, но и в современности, повсеместно "здесь и сейчас". Антигуманистические силы и в той децивилизации, которая произошла в нашем обществе, возродив давно казалось бы ушедшую дегуманистическую стадность под видом новых форм коллективизма; они - в стойком противлении новым формам культуры и социальных отношений, что проявляется, например, в продолжающейся борьбе против частной собственности; они - в распространении почти племенной морали, когда процесс самоопределения наций рискует обратиться в неутралиализм и фундаментализм, заводя общество в новое средневековье. Главным же источником антигуманизма всегда остается боязнь самостоятельности, риска и личной ответственности, боязнь решений, выходящих за рамки сложившихся стереотипов и одновременно конструктивных, что до сих пор - одно из стойких препятствий для пути нашего общества в цивилизованный мир.

Конкретное содержание человеческой истории постоянно включает разнонаправленные стремления людей, с одной стороны, утверждающие, укрепляющие, усиливающие исторически спешившиеся, унаследованные от прошлого ценности, социальные институты, отношения, а с другой стороны - только или невольно пытающиеся их изменить, приспособить новым условиям деятельности, ее изменившимся средствам и целям. Истории человечества раскрывает себя как история борьбы свободы и несвободы, роста творчества с его исторической ограниченностью, углубления способности к рефлексии с ее вчерашним уровнем и т.д.

Важнейший элемент содержания исторического процесса - борьба гуманизма и антигуманизма.

После трагического опыта мировых войн, опустошительных революций и бунтов XX века, возможно, излишне говорить о том, что постоянное нарастание и разрешение противоречий между отмеченными противоположностями в конкретном историческом процессе как в масштабе всемирной истории, так и в рамках отдельных стран и народов приобретает подчас сложный циклический характер. Движение к гуманизму сменяется массовым взрывом антигуманизма, а тот, выдыхаясь, в свою очередь вновь смиряется перед медленным восхождением гуманистических тенденций и ценностей.

Признание, что процесс гуманизации - сложный и противоречивый аспект человеческой истории, означает, что существует множественность его уровней, форм, качеств, характеристик. По сложившейся традиции гуманизм изучается как система воззрений, принявших форму научных теорий, философских концепций, религиозных учений, воплощенных в трудах великих гуманистов. Корпус гуманистических текстов составляет вершинные уровни гуманистической традиции, прозрения и идеи, вошедшие в золотой фонд мирового культурного наследия. Определения гуманизма базируются на таких понятиях как личность, права человека, принципы равенства, справедливости, блага человека как критерия оценки социальных институтов. Например, В.Ж.Келле определяет гуманизм как "исторически изменяющуюся систему воззрений, признающую ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей, считающую благо человека критерием оценки социальных институтов, а принципы равенства, справедливости, человечности желаемой нормой отношений между людьми"⁽¹⁾.

Апеллируя и категориям и понятиям, утвердившимся в достаточно поздний период человеческой истории, это определение отвечает зрелому, развитому уровню гуманизма, где гуманистическая ориентация утвердилась в обществе - его массовом сознании и важнейших социальных институтах. В этом смысле это определение. хан и многие другие, адекватно охватывает содержание гуманистического процесса последних столетий развития западной цивилизации, но оставляет за своими рамками докапиталистические уклады жизни, добуржуазные структуры государства, культуры, личности, те преобладающие по длительности и масштабам этапы человеческой личности и истории, когда гуманистические предпосылки еще не воплотились в развитых гуманистических формах. когда последние не утвердились на общесоциальном уровне, не реализовались в демократических структурах, правовом государстве, гуманистической личности.

Конечно, если следовать традиции обращения к вершинным достижениям гуманистической культуры, достаточно ограничиться изучением творчества великих личностей, учений нравственных подвижников, жизни праведников. И действительно, обращение и идеям Эразма Роттердамского, Нила Сорского, В. Соловьева, Ф.М. Достоевского, Н.А. Бердяева, других гуманистов есть приобщение к вершинам человеческого духа, "точкам отсчета" общечеловеческой нравственности.

Но если речь идет об утверждении форм гуманистической практики, не столько о гуманистических прозрениях, об открытии гуманистического измерения человеческого бытия, сколько о распространении и укоренении в обществе гуманистических норм и структур, то необходимо дополнить традицию изучения высших уровней гуманизма, сместив акценты. Новые ракурсы в исследовании открывает перед нами изучение гуманизма на массовом уровне, где элементы гуманистической практики зарождаются и проявляются в повседневной обыденной деятельности обыкновенных рядовых людей, в механизмах культуры и социальных отношений.

Более того, высшие формы гуманизма не вырастают на пустом месте. Они выявляют глубокие процессы, протекающие на массовом уровне, в глубинах народной почвы понять смысл борьбы гуманизма и антигуманизма на вершинах человеческого духа мощно лишь при условии постоянного внимания к массовым процессам, массовым движениям в обществе, постоянного перенесения "фокусной точки" исследования на эти процессы. Многие тысячелетия должны пройти, прежде чем гуманизм может быть признан обществом как высшая культурная ценность, которой должны служить государственные и общественные институты. Зачатки гуманизма формируются тогда, когда люди еще ничего не знают о существовании прав человека, а деятельность социальных институтов бесконечно далека от такой цели, какой является благо каждой отдельной личности.

Уровень массового гуманизма на первом этапе развития человека минимален. Он оттеснен на задний план культуры и социальных отношений, воспроизводственной деятельности общества и существует как бы в порях своей противоположности, т.е. господствующего антигуманизма. В этом смысле рассмотрение отдельно гуманизма и антигуманизма методологически не оправдано: их природа может быть понята лишь друг через друга, так как они есть взаимопроникающие противоположности, противоречивое единство, а процесс гуманизации (так же, собственно, как и антигуманизации) есть постоянный мучительный поиск путей, методов преодоления этой противоположности, нахождения меры между ее полюсами.

В силу этого понимание гуманизма требует осмысления антигуманизма, его социальной и культурной необходимости, причин его господства на протяжении большей части человеческой истории. Одновременно нужно понять, почему антигуманизм теряет свои позиции, в чем объективная основа непрекращающейся, усиливающейся борьбы с антигуманизмом, питающей нравственную убежденность гуманистов. Чем обусловлена необходимость постоянных массовых усилий, направленных на смещение меры к гуманистическому полюсу?

Антигуманизм мощно понять как концентрированный организованный опыт воспроизводственной деятельности человека, который создает возможность для определенного уровня творчества, но одновременно ставит жесткие ограничения для его роста, развития вне исторически сложившихся рамок. Следовательно, антигуманизм - это прежде всего ограничитель, препятствующий росту творчества выше уровня, принятого в данной культуре, в обществе за обычный, естественный. Он выступает в форме содержания культуры, например, как запрет на инновации свыше определенных масштабов и типов, как провозглашение ценности, неприкосновенности определенных догм, идеалов "тишины и покоя", т.е. запрет на изменения в образе жизни. Антигуманизм выступает также в форме социальных отношений и институтов, содержания воспроизводственной активности людей. Он абсолютизирует организованный прежний опыт, очевидно, оправдавший себя в прошлом, т.е. обеспечивший выживание, производство соответствующего сообщества.

По самой своей природе антигуманизм не только бесконечным количеством способов противостоит смещению меры в процессе исторического развития к гуманистическому полюсу. В определенных исторических условиях он активизируется, наносит разрушительные удары по тем слоям общества, которые стали на путь гуманизации, подавляет складывающиеся и сложившиеся очаги творчества, высшей культуры. Это всегда есть борьба сообщества с личностью, большинства с меньшинством, ибо творчество носит очаговый характер. Антигуманизм может проявляться в борьбе властей с разномыслием и инакомыслием. Он приобретает также форму массовых народных движений с их гонениями на ведьм, "врагов народа", практикой разрушения новых форм хозяйственной и экономической инициативы, необычных видов творчества во всех его формах. Антигуманистические "всплески" способны существенно сдвинуть меру в масштабе общества к полюсу антигуманизма. Во всех случаях суть разнообразных проявлений и форм антигуманизма заключается в том, что он нацелен против личности, против ее попыток развить себя, свою личную культуру, свои умения, реализовать собственный творческий потенциал, выйти за определенные рамки, унаследованные от прошлого. Всегда, в любой момент общественно-исторической практики, видимо, в любом, даже самом примитивной сообществе у людей возникают подобные стремления. Возможно, они необходимы каждому человеку, например при его приобщении к сложившемуся богатству культуры. Отсюда, кстати, жесткость инициации, отмечаемая всеми исследователями архаичных сообществ.

Значение господствующего антигуманизма во всех его формах заключается в том, что он - условие трансляции во времени исторически сложившегося порядка. Он утверждает себя в жестокой борьбе с необычными инновациями, с их носителями, а также постоянным устрашением членов общества перед самой возможностью отпадения от сложившихся форм жизни, от общепринятых идей, норм, ценностей. Он постоянно нацелен на отторжение негативного, разрушительного влияния инноваций, оценивая их как враждебные воспроизводству сообщества, способные вызвать к жизни и реализовать деструктивный потенциал, грозящий этому сообществу хаосом. Хаос - самый страшный враг человека. В холодную и голодную зиму революционной разрухи Осип Мандельштам увидел этот образ и описал, как "хаос поет в наших русских печках, стучит нашими вышками и заслонками"⁽²⁾. Ради отстранения этой угрозы, чтобы отодвинуть ее от себя, человек соглашается с антигуманистическим содержанием культур и социальных отношений, он персонифицирует свое бегство от хаоса, бесструктурности, беспорядка во впасть антигуманистической догмы, ритуала, традиции, общинного и родового рабства. Антигуманизм, охраняя достигнутое, существует с бесчисленным множестве конкретных проявлений, он везде и всегда стоит на страже завоеваний и рубежей.

Но человек постоянно отвечает на вызов истории, гуманизируя культуру: и общества, и свою собственную. Это действительно для всех исторических эпох, хотя и в сущности разных масштабах. Во-первых, человек способен развивать себя, повышать уровень принимаемых им решений, совершенствуя свою способность осваивать исторически сложившееся культурное богатство; он может наращивать масштабы и значимость его личной интерпретации, повышать ценность ее результатов, снижая, одновременно, ценность ритуального, догматического освоения опыта. Во-вторых, человек способен преодолевать своей деятельностью внешние ограничения, т.е. создавать социальную реальность, которая соответствовала бы уровню развития личности сложившейся с результате освоения всей предшествующей культуры; он может формировать все более гуманистическую среду, стимулирующую рост масштабов и значимости личного творчества. В-третьих, человек способен обеспечить взаимопроникновение полюсов социокультурных оппозиций "личность - общество", "личностная культура - культура в целом", сдвигая меру их содержания к полюсу гуманизма, оттесняя антигуманизм, формируя все более гуманистическую культуру и социальные отношения, т.е. такие отношения, которые во все большей степени ориентированы на ценности личного творчества как движущую силу воспроизводства единства культуры и социальных отношений. Все вместе это и есть процесс гуманизации. Он заключается в смещении меры от почти беспредельного господства в культуре и социальных отношениях антигуманизма к все большему продвижению к гуманистическому полюсу. Узловой пункт процесса гуманизации - "середина пути, когда гуманизм начинает как бы "перевешивать" антигуманизм, последний перестает господствовать, мера смещается в сторону гуманизма. Исторически этому этапу, видимо, соответствует упрочение гуманистических ценностей на общесоциальном уровне - становление правового государства, выход гуманистических ценностей на первый план в рамках международного сообщества, их провозглашение и борьба за них в планетарном масштабе.

ИСТОКИ ГУМАНИЗМА

Движение гуманизма началось с предельно низкой исходной точки. Ценность отдельного конкретного индивида в древности была минимальна. Архаические порядки допускали не только людоедство, убийство детей и престарелых членов общества, но и жестокие кровавые обряды, такие наказания за нарушения сложившегося социального порядка, например, брачных правил, которые, как это может сегодня казаться, никак не соответствовали масштабам проступка.

Практиковались повсеместные и регулярные человеческие жертвоприношения, каннибализм, убивали не только рядовых людей, но и сакральных вождей, в племенных стычках нормой был геноцид. Можно было бы думать, что общество жестоко и человеку. Но жертвы антигуманизма были одновременно и его носителями. Они считали все происходящее естественным, поддерживали и укрепляли действующую практику. Человек не распоряжался собой, да и не стремился к этому. Работать по "чужому загаду" было нормальным состоянием. Решения, касающиеся отдельных лиц, принимались коллективно, согласия человека на это не требовалось, так же как и не могло прийти никому в голову его спрашивать. Личной жизни, по сути, не было. Жизнь протекала "на миру", действия людей свободно обсуждались и оценивались. Индивид был полностью связан с общностью, его жизнь исчерпывалась совокупной жизнью сообщества (3).

Можно говорить о том, что весь мир и способ жизни человека в том числе выступали в это время как нечто естественное, единственно возможное. Против таких естественных условий порядка вещей никто не протестовал, потому что таков был мир, в который человек приходил, и, покидая его, он не замечал изменений. Антигуманистическая практика, пан естественный и единственно возможный порядок вещей не могла быть оспорена. Так ребенок, приходя в мир, воспринимает его как естественный, даже если условия его жизни ужасны. Все поступки взрослых есть для него условия его жизни, которые он не может изменить и от которых находится в полной зависимости.

Очевидно, древние порядки, отличающиеся прямым грубым антигуманизмом, бесчеловечным обращением с отдельными конкретными людьми, не были результатом случайности или невежества. В известном смысле они были необходимостью, платой за возникновение общества. Даже самое примитивное человеческое общество существует за рамками чисто животного состояния. Иными словами, оно - результат революционного скачка от биологического приспособления и окружающей среде к творческому преобразованию окружения. Однако выход из непосредственного подчинения биологическим законам потребовал жесткого подчинения законам социальным, оправдавшему себя прошлomu опыту, зафиксированному в культуре и социальных отношениях. То, что возникшее общество оказалось максимально антигуманным, а отдельный человек имел в нем ценность лишь в той степени, в какой он содержал в себе целое, включался в общность как носитель ее функций, было обусловлено жесткой необходимостью. Чтобы человечество обеспечило свое существование, каждый его член должен был освоить сложившиеся к тому времени культурное богатство.

Здесь мы сталкиваемся с явлением, которое можно обозначить как парадокс гуманизма. Дело в том, что даже в самом примитивном обществе ценность человека никогда не равнялась нулю И это было необходимо для выживания сообщества в целом. Даже для передачи примитивных зачатков мастерства и знаний, таких, как поддержание огня, приемы охоты, рыболовства, собирательства, было необходимо иметь определенный уровень личного творчества.

Развитие личностных умений и способностей - общий закон развития человечества. Так было всегда. Этнографы свидетельствуют, что и в "консервативном и сурово преследующем нарушителей порядка обществе человек стойкий, решительный, отважный может выйти победителем из столкновения с нормой, действующей тысячелетия. И в этом обществе сила духа и разума одного человека порой берет верх над религиозно-мистическими представлениями, которые безраздельно владеют сознанием и эмоциями всех остальных людей из поколения в поколение (4). В подобных случаях можно говорить о появлении некоторого намека (5) на гуманизм.

Реализация этой едва намеченной зачаточной формы гуманизма требовала длительной и напряженной борьбы, которая начиналась с борьбы человека за само свое индивидуальное существование. Анализ содержания древних культур позволяет выявить ту область, где следует искать некоторый отдаленный зародыш гуманизма. Это прежде всего ценности, защиту которых личность почитала как нечто первостепенно важное. Такой ценностью была, прежде всего, партиципация, о которой пишут исследователи мифологического мышления.

Партиципация означала приобщение личности и внешней сипе, без которой человек не ощущал собственного существования. Степень этого приобщения была такой, что он полностью отождествлялся с внешним объектом. Известно, например, что люди племени бороро считали себя попугаями араара, они отождествлялись со своим тотемом. Последний выступал как культурный образец, вместилище опыта, средство сравнения одних вещей и явлений с другими и, следовательно, инструментом мышления и действия. Повсеместно было распространено отождествление с культурными героями. "Один рыбак говорил мне, - сообщает Л. Леви-Брюль, - что, когда он отправлялся бить рыбу (при помощи луна), он выдавал себя за самого Кивавиа. Он не молил о благосклонности и помощи этого мифического героя, он отождествлял себя с ним" (6). Безусловно, социально-психологически отождествление с образцом, нормой, идеалом должного

поведения максимально способствует концентрации усилий личности на достижении лучшего из возможных для нее результатов деятельности и в этом смысле эффективно. В совершенствовании этой способности отождествляться с разными ролями, персонажами, характерами накапливалось и развивалось содержание личностной культуры, повышались возможности личного творчества. Одновременно развивалась, обогащаясь, и культура социальной общности. С некоторым допущением можно сказать, что она совпадала с личностной культурой.

Субъективная основа партиципации отождествления личности и тотема, личности и группы, личности и культуры панконцентрированного опыта соответствующего сообщества заключалась в том, что изгнание человека из общности, отлучение его от рода, общины, фактически обрекало его на смерть: он не был в состоянии самостоятельно воспроизводить, поддерживать не только освоенные им культуру и социальные отношения, но и само свое физическое состояние. Поэтому страх человека перед возможным овладением от общества был равен страху потери своего существования". Объективная основа партиципации заключалась в том, что древнее общество могло существовать, лишь жестко следуя накопленному опыту. Всякое существенное отклонение грозило обществу разрушением, распадом социальных связей, фиксированных и организованных в образе тотема. Поддерживание и воспроизводство с трудом удерживаемого опыта было настолько важным для выживания, а силы небольшого первобытного коллектива настолько ограничены, что это вынуждало его всеми доступными способами минимизировать проявления личностного начала как опасного отклонения, формировать такие социальные типы, которые были способны строго следовать нормам, ценностям, стереотипам накопленной культуры. Поэтому древняя культура всячески стимулировала веру человека в неизблемость и единственность унаследованного порядка - и космического, и социального, вырабатывала культурные и социальные механизмы, способные пресечь любые попытки изменить санкционированный культурный опыт и социальные отношения. Человек в этой ситуации не только внешне, но и внутренне подчинен социальной общности, власти, традиции, ритуалу, тотему, соединяющему в себе авторитет опыта и власти, господство прошлого над настоящим и будущим(7).

Именно механизм партиципации, стремление человека максимально раствориться во внешней силе тотема - персонификации культуры как сложившегося и оправдавшего себя опыта - создает условия для возникновения статичных социальных систем, статичного воспроизводства (8), для удержания человеческой деятельности от выхода за рамки освоенного прошлого опыта. Именно на страже этого стоит антигуманизм во всех его социокультурных формах. Отказ человека от себя во имя чего-то лежащего вне его создает условия для активизации стремления человека к антигуманистическим социальным формам жизни, т.е. усиливает его собственное желание естественным образом подчиниться деспотизму, "железной дисциплине", так же, как он развил в себе многотысячелетнюю привычку подчиниться природным ритмам. Обеспечение существования и функционирования социальных систем подобного типа совершается за счет отчуждения личности ее же собственными руками. Даже личностные отношения людей не осознаются ими как таковые и оцениваются как внеличностные характеристики. Так, жители Месопотамии были убеждены, что успех человека, эффективность его деятельности не имеют отношения к его личным качествам: "Успех интерпретируется как сила, влияющая извне на деяния человека и делающая их результативными. В основе достигнутых успехов лежат не способности человека, ибо он слаб и не имеет силы повлиять на ход событий во Вселенной... Это может сделать только бог" (9). Соответственно этому человек - существо безответственное. Ответственность за него, за его действия также несет внешняя сила. Это равно касается правителей и подданных. "Когда Лугальзагеси, правитель Уммы, напал на город Лагаш и частично разрушил его, население Лагаша не колеблясь возложило вину на божество Лугальзагеси: "Пусть ляжет это преступление на шею его личного божества богини Нидабы" (10), (3), - говорили они, считая богиню виновной в постигшем их несчастье".

В этом и состоит парадокс гуманизма. Человеческая деятельность, изначально несущая в себе возможность культивации гуманизма как раскрытия и выявления личностных особенностей, потенциалов человека, оказывается по своему содержанию антигуманистической, т.е. направленной на отказ человека от самого себя, на нивелировку соответствующей культуры и социальных отношений. Иначе говоря, человек как бы видит смысл собственной жизни в слиянии с социальной общностью, с целым, которое он созидает в различных организационных формах: тотема, вождя, общины, государства. В любом случае - некоторой внешней силы. Жертвы антигуманизма, бесчеловечной практики достаточно часто не только не покорствуют, смиряясь со своей участью, но активно добиваются антигуманистических порядков. Примеры многочисленны, И не только в древности, когда, например, слуги и жены умершего вождя боролись за право умереть вместе с ним и быть похороненными а его могиле, но даже сейчас. Этот парадокс дал основание Г.Бакланову с горечью заметить: "Люди за свою историю не раз боролись за свое порабощение с такой энергией и страстью, с которой позволительно бороться только за свободу" (11).

Однако в том-то все и дело, что несмотря даже на стремление человека отказаться от собственного личностного начала, все равно антигуманизм не может существовать без элементов гуманизма, общество -

без творчества личности. Даже для того, чтобы утвердить антигуманистические порядки, необходим некоторый уровень гуманизма. Пытаясь избежать опасности отпадения от целого и тем самым потерн себя, человек постоянно ищет пути слияния с обычаем, нормой, традицией, правилом, законом, тотемом, социальной общностью. Эти пути, несмотря на все попытки канонизировать, ритуализировать их, несут в себе элементы личного творчества и, следовательно, зародыши гуманизма. На определенном этапе истории они сконцентрированы большей частью в области средств деятельности, ее инструментов, но не целей. Индивид активно стремится отстоять свои ценности, добивается их осуществления, оттачивает средства, помогающие ему отождествляться с социальным целым, Вместе с тем, пена ценности, отстаиваемые человеком, принимаются им как заданные внешними силами, они остаются антигуманистическими .

Но одновременно - чем более развиваются и укрепляются творческие силы человека, тем сильнее растут предпосылки гуманизма, тем все более неизбежно увеличивается ценность человека. В целом можно говорить о прогрессе ценности человека в истории. Даже "рабство начинается с того, что исконная, примитивная, первобытная покорность человека несвободе сменяется пусть глухим и беспомощным, но сопротивлением... Каждый последующий способ производства представляет собой шаг вперед в раскрепощении человека" (12) , а следовательно, и гуманистических ценностей. "Поразительное вольнодумство" встречается уже на стадии разложения родо-племенного сообщества. Пока еще новые культурные образцы поведения по-прежнему выступают в отчужденной от человека форме, воплощаясь в образы мифологических существ. Триксер - бог-озорник превращается в центральную фигуру мифического мира. В его образе отражается конфликт между начинающей осознавать себя личностью и локальным сообществом, членом которого она является.

"В дерзости божества, в его глумлении над традиционными порядками, над племенными авторитетами, над косностью общинного уклада отражается идейная борьба в переживающем кризис разложения родо-племенном обществе, где личность боролась за свое освобождение от внутриобщинного рабства" (13).

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ ФОРМ АНТИГУМАНИЗМА

Всего удивительнее то, что гуманистические истины были известны уже в глубокой древности Эпиктет, Сенека и Конфуций говорили: "Человек достоин уважения уже потому, что он - человек" (14). Универсальность, общечеловеческий смысл гуманизма открылся много тысячелетий тому назад. Однако реально большую часть истории господствовал антигуманизм, и каждый шаг по пути гуманизации давался и дается человечеству с огромным трудом и величайшими жертвами. Осмысление исторического пути гуманизма постоянно обнаруживает ограниченность его форм. Носителями этих исторически ограниченных форм гуманизма выступают не только рядовые люди, но и те, кто признан общественным мнением в качестве героя, нравственного образца, человека, мысли и поступки которого неизмеримо возвышаются над общим уровнем общества. "В конце Гомеровой "Одиссеи", - пишет В.С. Соловьев, - с видимым сочувствием рассказывается, как этот типичный герой эллинизма... с помощью своего сына казнит тех слуг, которые во время его двадцатилетнего безвестного отсутствия, когда все считали его умершим, не противились женихам Пенелопы, хозяйничавшим в его доме". "Одиссей и Телемак не только не были извергами, а, напротив, представляют высший идеал гомеровской эпохи. Личная их нравственность была безупречна, они были исполнены благочестия, мудрости, справедливости и всех семейных добродетелей" (15). И вот эти античные герои зверски убивают служанок, подвешивая их на веревке как дроздов, крошат раба на мясо в корм собаке. Они действуют в полном согласии со своей совестью и с окружающими их людьми. Почему чувствительный и сердечный по натуре Одиссей неспособен увидеть в своих рабах таких же чувствующих и мыслящих людей, каким является он сам? Что может заставить его это сделать, иными словами, каким образом может быть обеспечен качественный сдвиг в общественной нравственности?

Исторически сложившаяся мера соотношения гуманизма и антигуманизма, существующая в любой момент развития общества, фиксируется не только в ценностях, образцах, нормах и идеалах культуры. Она закреплена также в социальных отношениях. Это имеет очень большое значение, так как сложившиеся социальные институты сохраняют и гарантируют тем самым от размывания достигнутый уровень развития личности, гуманистических ценностей.

Конечно, это препятствует дальнейшему развитию гуманизма, но одновременно это предохраняет от рецидивов еще более архаичных, еще более грубо антигуманистических ценностей, препятствует возвращению уже преодоленных форм антигуманистической практики. "Главнейшая роль в этом принадлежит наиболее мощному социальному институту, созданному людьми, - государству. Именно на общественном уровне завершаются и находят свое организованное оформление качественные сдвиги в общественной нравственности; говоря словами В.С.Соловьева, государственная сила, вдохновившаяся нравственным принципом, превращает его в объективный закон жизни (16). Это, однако, произошло совсем недавно (17). Первые же государства были антигуманистическими, так как базировались на сложившейся

догосударственной основе с ее господством доличностных форм культуры и социальных отношений. Культурная основа первых государств формировалась в локальных сообществах. Это значит, что древние представления о господстве тотема, отца, вождя, а также присущие догосударственным сообществам формы социальных отношений экстраполировались, переносились на государственность. Возникал культурный механизм поддержки государственности, понятный и приемлемый для людей, живших в родах, племенах, общинах, патриархальных семьях. Государство для них представало как разросшийся род, огромное сообщество, сохраняющее, однако, все свойства локальной догосударственной структуры. Имело смысл поддерживать такую государственность и уповать на государство как на мощного защитника, где все люди - кровные родственники, а в центре - Отец-тотем. Так формируется антигуманистический тип государственности, где власть первого лица тяготеет к абсолютной.

Для государства, где эта тенденция возобладали, имело место слияние власти, собственности и идеологически-жреческих функций. С точки зрения догосударственной культуры локального сообщества, т.е. родовой, общинной, племенной культуры именно такого типа, государственность была наиболее естественной. Подобная ситуация характерна и для Древней Руси, где структуры, сложившиеся на микроуровнях, были экстраполированы, "растянуты" до масштабов государства. "Многие не без основания думают, что образ жизни, привычки, понятия крестьян сохранили очень много от Древней Руси, - пишет русский историк К.Д.Кавелин - Их общественный быт несколько не похож на общественный быт образованных классов. Посмотрите же, как крестьяне понимают свои отношения между собой и к другим. Помещика и всякого начальника они называют отцом, себя - его детьми. В деревне старшие летами зовут младших ребятами, молодками, младшие старших дядями, дедами, тетками, бабками, равные - братьями, сестрами. Словом, все отношения между неродственными сознаются под формами родства или под формами прямо из него вытекающего и необходимо с ним связанного... старшинства или меньшинства (18).

Близкие к этому идеи развивает и Б.А. Рыбаков, который считает, что "в условиях первобытного родового строя князь (от корня КЪНЬ - основа) был и главой семьи и главным исполнителем обрядов. В русском крестьянском быту XIX в, жениха и невесту во время свадьбы называли "князем и княгинюшкой". На таком семейно-родовом уровне "князь", очевидно, расценивался как глава житейских дел и как руководитель семейных религиозных заклинаний" (19). Все это подтверждает мысль, что единство власти, собственности и жреческих функций формировалось на микроуровнях догосударственной структуры, а затем оно же было перенесено на государственность и нашло воплощение на неизмеримо больших социальных пространствах государственной организации жизни общества.

Древний тип государственности воплотил в себе громадный пласт человеческого опыта, причем на протяжении большей части человеческой истории он был сопряжен с социальным и культурным господством антигуманизма. Массовая вера в главу такого государства - а он воплощал для жителей тотема или его потомка патриархального отца, - открывает путь для формирования жесткой деспотической системы, столь же жесткой, какой она была в догосударственных общностях.

Для людей, обладающих подобным сознанием, единственным допустимым источником инноваций является первое лицо. Лишь те новшества, которые он освящает своим авторитетом и властью, признаются так не только допустимые, но и обязательные к исполнению. Ведь именно первое лицо - создатель культуры, социальных отношений, образцов и ценностей, он владеет этим миром-землей, всем созданным на ней, а также самими людьми. Человек - только слуга первого лица, "сиротинушка". Он подчиняется высшей силе, вместившей в себе космическую Правду, и хотя рядовой представитель народа руководствуется приказами лица, стоящих выше него в социальной иерархии, он знает, что последние - такие же бесправные существа, слуги высшей космической силы, как и он сам.

Понятно, что первая добродетель подобного государства есть послушание. Ведь если человек не будет исправно выполнять приказы, то может нарушиться космический порядок. Тогда все придет в упадок, наступит хаос. Поддержание порядка и, следовательно, существование Вселенной - задача каждого человека, неременное условие его жизни. Исследователи приводят высказывания древних жителей Месопотамии, в которых отражены взгляды последних на отношения власти, господства и подчинения. Толпа, не имеющая предводителя, вызвала у них жалость, неодобрение и страх, "Воины без царя, - говорили они, - это овцы без пастуха" (20). Неорганизованные и предоставленные сами себе люди - это опасная разрушительная сила, способная лишь на эмоциональные вспышки, но не разумные конструктивные действия. Эти люди уподобляются воде, прорвавшейся через сдерживающую плотину и заливающую окрестности: "Ремесленники без старейшин - воды без надсмотрщика каналов".

Без руководителя деятельность людей не имеет смысла, не созидательна она и потому, что "земледельцы без управителя - поле без пахаря", на котором ничего не может взойти. В соответствии с этим приказ всегда

справедлив, а власть не может быть неправа. "Приказ дворца, подобно приказу Ану, не может быть изменен. Слово царя правильно, его высказывание, подобно высказыванию бога, не может быть изменено" (21). Человек сам должен желать возможно лучшего исполнения приказов, так как только в этом случае он может рассчитывать на поддержку и защиту богов, лишь в этом случае он может надеяться, что сложившийся порядок будет воспроизводиться и впредь.

Вместе с тем антигуманизм государственных образований - и это чрезвычайно важно - противостоял не столько личностному началу, культивирующему индивидуальные склонности, способности, потребности и формирующие интересы личности, сколько догосударственным формам антигуманистических сообществ. Перенесение авторитарного нравственного идеала из глубин тотемизма, культур, связанных с кровнородственными отношениями, вверх, т.е. на главу государства, содержит несколько разных возможностей. Авторитарный идеал выходил из небольших древних сообществ, распространяясь на более сложные и большие сообщества. Последние уже не могли опираться на непосредственное личное общение знакомых между собой людей. Неизбежно возникающие сообщества характеризовались иными социальными функциями, что в конечном итоге стимулировало рост разнообразия в культурных программах. Это разнообразие не исчерпывалось различием между культурами древних локальных миров, микросообществ и культурой большого общества, государства. Между ними располагались некоторые сообщества среднего уровня, такие, например, как феодальные вотчины, княжества.

Слабость древних государств заключалась именно в том, что они вынуждены были вступать в борьбу с этими формами антигуманистических догосударственных сообществ. При этом между всеми формами догосударственных сообществ, т.е. между родами, кланами, племенами, общинами, а также феодальными вотчинами или княжествами, возглавляемыми их авторитарными вождями и государством, существовала общая культурная основа - авторитаризм как идеал и реальный механизм социальной организации общественной жизни. Практически это означает, что при всех различиях между всеми этими формами они были тождественны в своем антигуманистическом отношении к личности. Один из современных исследователей пишет, что "Русская крепостная деревня была не рабовладельческой виллой, а микросхемой с баринком в роли царя" (22), иными словами, всюду, на всех уровнях общества господствовал единый тип социальной связи с присущим ему уровнем соотношения гуманизма и антигуманизма.

Между всеми этими формами часто возникает ожесточенная борьба. Она ведется на одном уровне - между общинами, которые могут длительно конфликтовать между собой, между княжествами - примерами чрезвычайно ожесточенной борьбы феодалов друг с другом полна мировая история, и, наконец, между царствами. Однако эта борьба ведется и между различными условиями: между деспотическим государством, объединяющим все общество, и любыми древними, относительно замкнутыми догосударственными сообществами. Например, общинники, тяготеющие к замыканию в своем локальном мире, борются против государства как носителя безличного, лишеного привычек эмоциональных форм порядка. Они отказывают в повиновении, частичном или полном, далекому тотему, неизвестному, потому и возможно враждебному. Общинники могут бороться и против вотчинников, отстаивая свою независимость. Феодалы сражаются против государства, защищающего все общество. Все эти силы вступают в различные коалиции, что запутывает и усложняет культурные и социальные механизмы их взаимодействия, но одновременно и развивает реальное содержание культуры. Фактически, содержание значительной части истории и составляет борьба разных форм антигуманизма между собой.

Сама по себе такая борьба не обязательно ведет к культурному и социальному прогрессу, к сдвигу в соотношении гуманизма и антигуманизма. "Как показывает анализ исторического процесса (это особенно очевидно на примере Древнего Египта, чжоуского Китая, но прослеживается также в Индии, Западной Азии), - пишет Л.С. Васильев, - от политической децентрализации выигрывают лишь региональные правители, которые приобретают автономию, а то и независимость... и в случае длительного переходного периода превращаются через ряд поколений в самостоятельных владельцев аристократов, в своего рода феодально-удельную знать. Эта тенденция к феодально-удельному сепаратизму, однако, при всем своем дестабилизирующем воздействии на метаструктуру в целом не приносит в нее ничего принципиально нового. Скорее это нечто вроде шага назад: сама структура и все свойственные ей отношения остаются неизменными, изменяются лишь масштабы..., другими словами, политическая децентрализация не рождает новых социальных тенденций, так что дестабилизация в этом случае ограничивается чисто политическим аспектом. Рано или поздно, она преодолевается за счет действия центростремительных факторов, и на смену региональной децентрализации вновь приходит эффективная центральная власть" (23).

Более того, в той мере, в какой антигуманистические государства несут попытку монополизировать в своих руках всю собственность на орудия и средства производства, на землю, на элементы среды и условия жизнедеятельности людей, они создают хозяйственное воплощение антигуманизма. Суть последнего

заключается в мощном обеспечении условий для партиципации каждой личности к целому не только через его древние культурные стереотипы, т.е. через стремление раствориться в некотором целом, но и через создание таких условий труда, всей жизнедеятельности, которые парализовали бы всякий элемент творчества личности, выходящий за рамки этой системы. Никто не может жить и работать иначе, чем это принято, если вся собственность принадлежит высшей сакральной власти (24). Надо, однако, четко осознать, что подобная хозяйственная система с абсолютным собственником во главе возможна лишь при строго определенном условии: господстве антигуманистической культуры, ориентированной на партиципацию к главе государства. В свою очередь такая ситуация реализуется при доминировании экстенсивного статичного воспроизводства в традиционных и полутрадиционных обществах.

Важность анализа социальных систем, типов сообществ, опирающихся на антигуманизм, заключается в том, что борьба между ними, тем не менее, создает такой уровень разнообразия, который приводит в конце концов и качественному сдвигу. Существеннейший объективный результат этой борьбы состоит в том, что она симулирует маленький процесс усиления влияния гуманистических ценностей. Носители реальных гуманистических идей долго время не сознают себя таковыми и прячутся за одну из форм антигуманизма, противопоставляя себя другой. Когда крестьянин-общинник отвергает требования чиновников - представителей государства, а феодалы выступают против центральной власти, то каждый участник этой борьбы поначалу отождествляет себя с той или иной общностью, выражая своей частный интерес в скрытой форме как неотторжимое составляющее общего дела.

Это находит свое отражение в формировании моральных норм, открыто признающих только групповой либо государственный интерес, но порицающих, отвергающих частный интерес и любое частное мнение. Признание права личности иметь свой собственный интерес в условиях господства -антигуманистического государства или антигуманистической догосударственной структуры равнозначно постыдной характеристике, Это вынуждает личность прибегать к лицемерию, прятать от общества свои действительные мотивы, обнаруживая лишь те из них, что допускаются моралью. Однако такая раздвоенность возникает тогда, когда личность начинает осознавать свои частные интересы. Вначале они, оставаясь неузнанными, неоткрытыми для нее самой, выражались через интересы той общности, с которой отождествляла себя личность.

Но именно этот скрытый процесс, развивающийся в иллюзорных формах, теснит антигуманизм, Можно указать на явление, которое, хотя и не сразу, выявляет показавшиеся за спинами борющихся между собой форм антигуманизма новые знамена. Государство, сражаясь с древними догосударственными силами, одерживает блестящие победы над разрозненными силами племен. Однако эти якобы потерпевшие поражение силы денно и нощно подтачивают государственность, замыкаясь в себе, продолжая поклоняться своим идолам.

Стремление укрепить государственность, т.е. целое, большое общество, побуждает людей, поддерживающих эту форму человеческого общежития, искать более совершенные формы культуры, которые заменили бы веру в местных божков, в языческие идолы, тотемы другой верой, объединяющей людей не на основе страха и суеверий, не любви. Так возникает объединение людей вокруг великих религий, охватывающих значительные массы. Бог в них уже не обязательно физически близок и осязаем, но носит, как и государство, абстрактный характер. Ведь и в государстве многие люди могли никогда не видеть столицу, дворец императора. Возникшие великие религии - иное дело, чем архаичные верования локальных сообществ. Они обращены к позитивным стимулам личности, обращаются к ее свободному выбору, иными словами, в той или иной форме утверждают ценность человека. Великие религии уже не могли смириться с человеческими жертвоприношениями, с пониманием человека как члена лишь своего племени, этнической общности и т.д.

Совершенно ясно, что развитие гуманизма, противопоставившего себя антигуманизму во всех его формах, могло иметь место лишь в результате постоянной массовой активизации социальных сил, несущих в своей деятельности гуманистическое содержание. Исследование древних культур постоянно раскрывает картину, их функционирования. Уже в древних деспотиях растущий антропоцентризм и индивидуализация ведут и пониманию сложности "Я" и многогранности его связей с другими "Я", преодолению противоположности "своих" и "чужих"; на протяжении тысячелетий меняющееся отношение человека к природе способствовало осуществлению перехода от отношений субъекта к миру как и другому субъекту к отношениям субъект-объектного типа.

Гуманизм вовсе не чисто европейское понятие. Гуманистический смысл несли с собой идеи, вырабатываемые вдали от Европы и европейских традиций. Когда в Древнем Китае Конфуций интерпретировал дао как высший принцип достойного поведения, воплощение истины и справедливости, символ должного и благородного, то для него это "прежде всего человеческое дао в людях и для людей" (25) - одно из выражений гуманистических принципов, вырабатываемых человечеством.

Реальное перетягивание чаши весов в пользу массового гуманизма могло иметь место в условиях соответствующих социальных изменений. Существеннейшим фактором развития гуманизма явилось возникновение и развитие торговли, рынка, частной собственности, Экономическое развитие можно сравнить со стенобитным орудием, разрушающим устои всех форм антигуманизма. Разумеется, как и все новое, эти экономические процессы возникли и развивались в старых культурных формах. Часто они представляли в качестве новых попыток антигуманизма упрочить свое положение, использовать новые ресурсы для укрепления своих позиций. И сами эти явления, потенциально несущие гуманистическое содержание, не чуждались антигуманистических форм и отношений как средств для достижения своих целей.

Развитие личного творчества постепенно вступает в противоречие с антигуманистической государственностью, усиливается противоречие между частным интересом и сдерживающим его государством, пытающимся эксплуатировать набирающую экономическую силу личность, ограничить и стеснить ее свободу. В то же время утверждающая себя личность заинтересована в защите со стороны государства. Частный собственник становится опорой сильного государства, обеспечивающего порядок и дающего возможность развиваться экономическому интересу. Государство как наиболее мощный социальный институт доказывает свою способность заместить власть локальных сообществ, основанных на власти обычая, либо произволе и прихотях властителей, силой закона. Однако это реализуется лишь в тех случаях, когда давление массового личного творчества достигает некоторой критической точки. В результате растет общество, где начинает вперед выдвигаться личность, борьба за ее права, мера гуманизма и антигуманизма начинает смещаться в сторону гуманизма.

Таким образом, исторический процесс гуманизации общества, продвижения в сторону все большего признания ценности личности, ее индивидуальных склонностей и возможностей свидетельствует о нерасторжимой связи с динамикой культуры и общественных отношений. Особенности сообществ и типов личности, их созидающих, рождают ту или иную меру в соотношении гуманизма и антигуманизма, оставляют то или иное место ценности разнообразия, инноваций, творчества во всех его формах - и из этого вытекает отношение к личности, динамика ее взаимоотношений с обществом, акцент либо на совокупной ценности соединенной силы людей, "сконцентрированной в их общем опыте, опыте прошлых поколений, стоящих за этими людьми, либо на максимальном, по возможности, раскрепощении ценности личности, личного творчества, личного потенциала. Совокупная сила сообщества, конечно, в последнем случае не только не уменьшается, но напротив, возрастает в огромной степени. Но к этому ведет очень долгий и тяжелый исторический путь. Гуманизм и антигуманизм общества и личности нерасторжимо связаны, сплетены в смертельном объятии непрекращающейся схватки. Самые прогрессивные общественные порядки при господстве архаической догуманистической личности обречены на доведение их до уровня массового антигуманизма, при котором усилия отдельных праведников остается ярким факелом в ночи, стараниями "янки при дворе короля Артура". Иное дело перевес гуманистических ценностей, массового гуманизма, воплощенного в личности, в бесчисленном и постоянно множающемся числе ее инициатив, в формах общественно закрепленной и постоянно поддерживаемой практики укрепления прав и свобод граждан, и, прежде всего, свободы экономической деятельности, экономического творчества, организованных гуманистически ориентированных форм индивидуальной и совместной деятельности людей. Направление этой деятельности в постоянном расширении масштабов гуманистической практики, во включении в понятие "человек и человеческое", "гуманное" все большего числа живущих существ: не только мужчин, но и женщин, не только здоровых, но и больных, увечных, не только взрослых, но и детей, не только представителей больших народов, но и малочисленных, не только лиц отдельных профессий и социальных слоев, но любого трудящегося человека и даже тех, кто лишен этой возможности и, наконец, не только людей, но всего живого, а затем, возможно, даже и неживой природы. Чем шире позиции гуманизма, тем очеловеченней становится этот мир, тем более сложной, высококвалифицированной одновременно человеческой становится совокупная практика человечества, тем в большей степени реализуются бесконечные возможности личностного потенциала человека. Но никогда не следует забывать, что архаичные культурные и социальные модели - внутри нас, они лишь отсечены, но в любой подходящий для них момент готовы "схватить живого". Человечество постоянно должно ощущать тяжкое дыхание антигуманизма, подстерегающего нас в любой из давно сложившихся и тысячелетиями отработанных своих форм: антигуманистического государства, антигуманистической практики групп и сообществ, регионов и территорий, и, наконец, наименее контролируемой и наиболее распространенной форме - антигуманистической личности, готовой во имя сохранения привычных ценностей и того порядка, который кажется извечным, на любые преступления против человечности.

Сноски:

(1) Келле В.Ж. Гуманизм // Философский энциклопедический словарь. - М., 1983. С. 130. [\[продолжение\]](#)

- (2) Мандельштам Ф.Э. Гуманизм и современность. Накануне. Берлин, 1923. 20 января. Литературное приложение // Филос. науки. М., 1988. N 12. С.86. [\[продолжение\]](#)
- (3) См.: Артемова С.Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. - М., 1987. [\[продолжение\]](#)
- (4) Артемова С.Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. С 170. [\[продолжение\]](#)
- (5) О "намек" см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 42. [\[продолжение\]](#)
- (6) Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1930. С. 435. [\[продолжение\]](#)
- (7) Проявление этого механизма, естественно, в иных масштабах и формах, наблюдается в современной истории. По сути, проблематика русского народничества выросла из его страха перед отпадением от народа-тотема. Выходящая из народной почвы и еще не отпочковавшаяся от нее интеллигенция не столько стремилась утвердить свою особую социокультурную ценность, сколько пыталась жить "вне себя", страдала от отпадения от народа, нравственно отрицала иные формы жизни и жизненные задачи. [\[продолжение\]](#)
- (8) О статичном типе общественного воспроизводства см: Ахиезер А.С., Матвеева С.Я. Человек и культура в условиях ускорения социально-экономического развития общества // Человек и культура В социалистическом обществе М., 1987. [\[продолжение\]](#)
- (9) Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. М., 1984. С. 188. [\[продолжение\]](#)
- (10) Там же С.189. [\[продолжение\]](#) (11) Бакланов Г. Выступление на XIX Всесоюзной партийной конференции. - Материалы XIX Всесоюзной партийной конференции КПСС. М., 1988. [\[продолжение\]](#)
- (12) Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории // Проблемы палеопсихологии. М., 1974. С.30 - 31 [\[продолжение\]](#)
- (13) Йорданский В.Б. Бог-смутьян в мифологии йорубов: общественное сознание и нарушения извечного порядка // Народы Азии и Африки. М., 1988. N2.С.40 [\[продолжение\]](#)
- (14) Артановский С.Н. Об абсолютной ценности личности // Вест. Ленингр. Университета. Сер. 6. Фил. науки. М., 1988. Вып. 3. С.42. [\[продолжение\]](#)
- (15) Соловьев В.С. Личная нравственность и общее дело // Соловьев В.С. Соч. в 2-х тт. Т. 2. М., 1989. С.459 [\[продолжение\]](#)
- (16) Там же. С. 465. [\[продолжение\]](#)
- (17) Подробнее о решающем сдвиге в соотношении гуманизма и антигуманизма, смещении меры в их соотношении в историческом процессе в связи с утверждением гражданского общества и правового государства. См.: Ахиезер А.С., Матвеева С.Я. Гуманизм как элемент культуры и социальных отношений // Культурные аспекты перестройки общественных отношений на современном этапе. М., 1990. [\[продолжение\]](#)
- (18) Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт Древней России // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. М., 1989. С. 15. [\[продолжение\]](#)
- (19) Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., 1987. С. 294. [\[продолжение\]](#)
- (20) Реминисценции архаических стереотипов присутствуют и сейчас в обыденном сознании. "Вот Ленин был мировой величиной, силой на века, - говорится в одном из писем, присланных в газету. - А умер, и масса осталась без пастуха". [\[продолжение\]](#)
- (21) Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т.В. В преддверии философии. М., 1984 С. 187-188. [\[продолжение\]](#)

(22) Шульгин Н. Новое русское самосознание // Век XX и мир. М., 1990, N3. С.25. [\[продолжение\]](#)

(23) Васильев Л. С. Курс лекций по Древнему Востоку (Средний и Дальний Восток). М. , 1984. С.96. [\[продолжение\]](#)

(24) Практика тоталитарных обществ коренится в этой древней антигуманистической традиции. См., в частности, Ахиезер А.С., Матвеева С.Я. Гуманизм как элемент культуры // Общественные науки. 1990. N2. [\[продолжение\]](#)

(25) Васильев Л.С. Конфуций // Вопросы истории. М., 1989. N3. С.94. [\[продолжение\]](#)

[\[Статьи разных авторов \]](#) [\[Библиотека Либертариума \]](#)

[\[Вход в Либертариум \]](#)

Московский Либертариум, 1994-2007